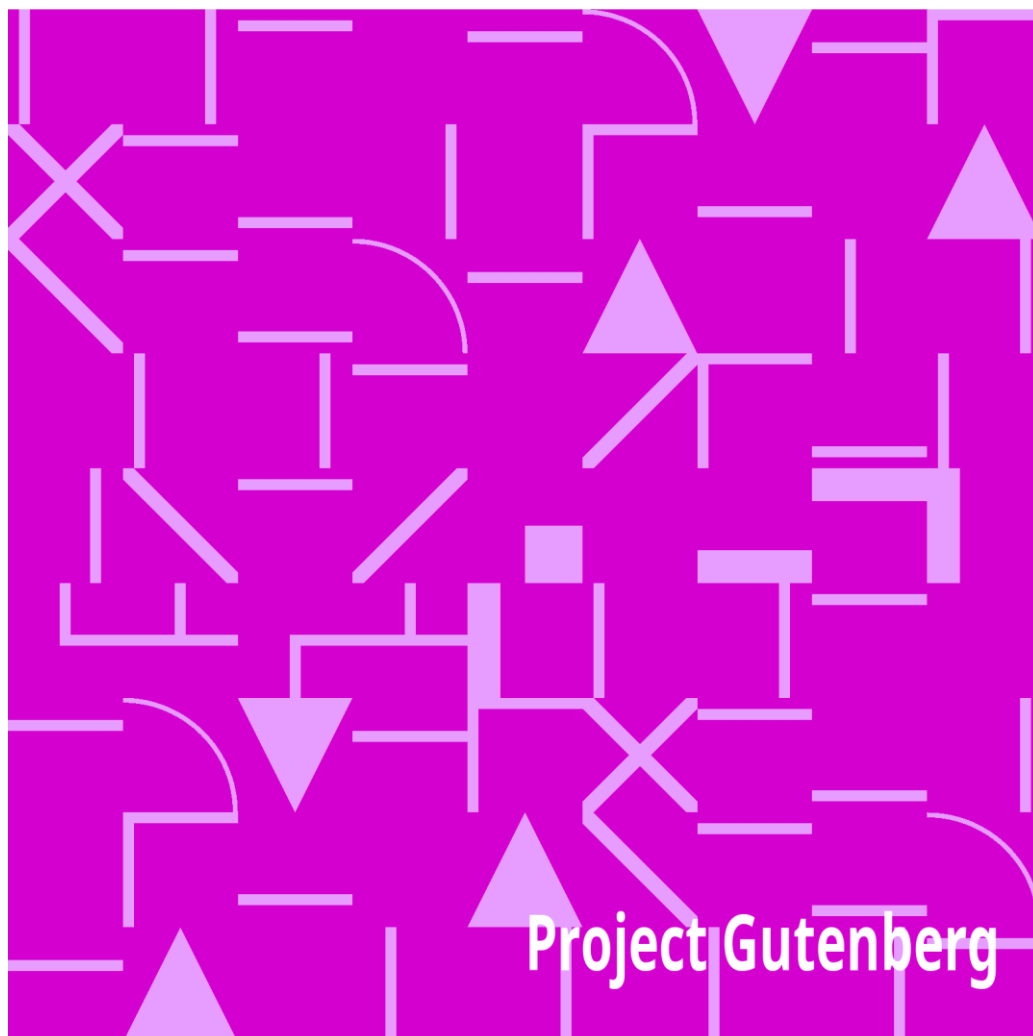

Открытие Америки норманнами, 985-1015

Эдмунд Ф. Слэфтер

**The Discovery of America by the Northmen,
985-1015**

Edmund F. Slafter

Электронная книга проекта Гутенберга об открытии Америки норманнами, 985-1015

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Открытие Америки норманнами, 985-1015

Автор: Эдмунд Ф. Слаффер

Дата выхода: 3 апреля 2011 г. [Электронная книга № 35763]

Последнее обновление: 7 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Дэвидом Э. Брауном, Брайаном Нессом и командой онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print project.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ НОРМАННАМИ", 985-1015 ***

СЕВЕРЯНЕ В АМЕРИКЕ.

985-1015.

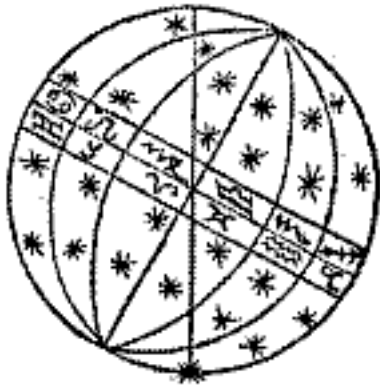
ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ НОРМАННАМИ.

985-1015.

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ Перед ИСТОРИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ НЬЮ-ГЭМПШИРА,
24 апреля 1888 г.

КЛЯНУСЬ ПРЕПОДОБНЫМ. ЭДМУНД Ф. СЛАФФЕР, доктор философии,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ ОБЩЕСТВА, ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН

КОРОЛЕВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И Т.Д., И Т.П.

КОНКОРД, Нью-Йорк:

НАПЕЧАТАНО ЧАСТНЫМ ОБРАЗОМ.

1891.

ПЕРЕПЕЧАТАНО ИЗ ТРУДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НЬЮ-ГЭМПШИРА.

БЕСЕДА.

29 октября 1887 года в городе Бостон в присутствии большого собрания горожан была открыта статуя, установленная в память Лейфа, сына Эрика, первооткрывателя Америки. Статуя сделана из бронзы, немного больше, чем в натуральную величину, и изображает исследователя, стоящего на носу своего корабля, прикрывающего глаза рукой и смотрящего на запад. Этот памятник [1] затрагивает тему, на которую я хотел бы привлечь ваше внимание, а именно историю открытия этого континента скандинавами почти девятьсот лет назад.

Здесь я должен попросить вашего снисхождения изложить несколько предварительных исторических фактов, чтобы мы могли иметь четкое представление об этом открытии.

Примерно в середине девятого века Харальд Харфагер, или светловолосый, взошел на трон Норвегии. Он был молодым и красивым принцем, наделенным огромной энергией воли и многими достоинствами. Рассказывают, что он влюбился в прекрасную принцессу. Однако его обращения были хладнокровно отвергнуты с заявлением, что, когда он станет королем Норвегии на самом деле, а не только номинально, она отдаст ему и свое сердце, и свою руку. Молодой король не оставил без внимания это предостережение. Тридцать одно княжество, на которое в то время была разделена Норвегия, за несколько лет было покорено, и мелкие вожди или принцы, правившие ими, подчинились королевской власти. Однако деспотическое правление короля было настолько раздражающим и деспотичным, что многие из них искали дома большей свободы на негостеприимных островах северных морей. Среди прочего, Исландия, открытая незадолго до этого, была ими колонизирована. Это событие произошло примерно в 874 году. Несмотря на суровый климат и стерильность почвы, численность и богатство колонии быстро увеличивались, а с метрополией завязалась активная торговля, которая успешно поддерживалась. В конце столетия они продвинули свои исследования еще дальше, и была открыта Гренландия, и там была основана колония, которая продолжала процветать в течение длительного периода.

Примерно в 985 году молодой, предприимчивый и преуспевающий мореплаватель, привыкший вести торговлю между Исландией и Норвегией, вернувшись из последней летом того же года, обнаружил, что его отец покинул Исландию незадолго до его прибытия, чтобы присоединиться к новой колонии, которая тогда недавно была основана в Гренландии. Этот молодой торговец, носивший имя Бьярни, разочарованный тем, что не нашел своего отца в Исландии, решил продолжить путь и провести предстоящую зиму вместе с ним в новой колонии в Гренландии. Получив всю возможную информацию о географическом положении Гренландии, этот бесстрашный мореплаватель отправился в плавание на своей маленькой барке с небольшим количеством людей по неизвестному и неизведанному морю, руководствуясь в своем пути только солнцем, луной и другими небесными телами. [2] После трехдневного плавания они полностью потеряли землю из виду. Поднялся северный ветер, сопровождаемый густым туманом, который полностью скрыл от их взора небеса и оставил их на милость ветров и волн. Такими беспомощными их много дней несло по открытому океану, они не знали, куда плыть. Наконец туман рассеялся, появилось голубое небо, и вскоре они увидели землю. Приблизившись к ней, они заметили, что у нее низкая, волнистая поверхность, на ней нет гор и она густо покрыта лесом. Очевидно, это была не та Гренландия, которую они искали. Отчалив и оставив сушу на западе, после двухдневного плавания они снова увидели сушу. Это была такая же плоская местность, поросшая густым лесом, но это не могла быть Гренландия, поскольку им описали ее как очень высокие, покрытые снежными шапками холмы. Отвернув нос от суши и выйдя в открытое море, после трехдневного плавания они увидели другую страну, имеющую плоский скалистый передний план, а за ним горы с покрытыми льдом вершинами. Это было не похоже на Гренландию, как ее им описывали. Они даже не спустили паруса. Однако впоследствии они обнаружили, что это остров. Продолжая свой путь, они проплыли четыре дня и прибыли в Гренландию, где Бьярни нашел своего отца, у которого поселился на постоянное жительство.

Это случайное открытие доселе неизвестных земель, расположенных дальше к западу от Гренландии и отличающихся важными особенностями от любых стран, с которыми они были знакомы, пробуждало очень глубокий интерес везде, где повторялась история. Бьярни подвергся критике и был обвинен в том, что не провел тщательного исследования и привел такой скудный отчет о том, что он видел. Но хотя эти открытия были частой темой разговоров как в Норвегии, так и в колониях Исландии и Гренландии, только по прошествии пятнадцати лет была предпринята какая-либо серьезная попытка проверить утверждение Бьярни или извлечь какие-либо преимущества из того, что он открыл.

Примерно в 1000 году Лейф, сын Эрика, первого колониста Гренландии, решил провести экспедицию на поиски новых земель, которые были замечены во время случайного путешествия Бьярни. Соответственно, он снарядил корабль и укомплектовал его тридцатью пятью людьми. Прокладывая курс по указанию и совету Бьярни, они первым делом обнаружили страну, которую Бьярни видел последней. Выйдя на берег, они не увидели травы, но что-то похожее на равнину из плоских камней, простиравшуюся до ледяных гор вдалеке. Они назвали это землей плоских камней, или Хеллуландом.

Снова продолжив свое путешествие, они прибыли в другую страну, которая была плоской, покрытой лесом, с низкими, белыми, песчаными берегами, похожими на вторую страну, увиденную Бьярни. Приземлившись и произведя личный осмотр, они назвали это место вудленд, или Маркленд.

Снова выйдя в открытое море с северо-восточным ветром, через два дня они прибыли в третью страну, похожую на ту, которую Бьярни увидел впервые. Они высадились на остров, расположенный в устье реки. Они оставили свой корабль в проливе между островом и рекой. Вода была мелкой, и отступающий прилив вскоре выбросил их корабль на берег. Однако, как только их корабль поднимался приливом, они спускали его в реку, а оттуда в озеро или расширение реки выше ее устья. Здесь они высадились и построили временные жилища, но, решив перезимовать, приступили к возведению зданий для своего более просторного жилья. Они обнаружили изобилие рыбы в водоемах, мягкий климат и природу страны такой, что, по их мнению, скот даже не будет нуждаться в корме или укрытии зимой. Они заметили, что день и ночь были более равными, чем в Гренландии или Исландии. Солнце было над горизонтом в самый короткий день, если мы можем принять интерпретацию ученых исландии [3], с половины восьмого утра до половины пятого пополудни. Завершив строительство дома, они посвятили остаток сезона тщательному и систематическому исследованию окружающей их местности, не заходя, однако, так далеко, чтобы вечером не вернуться в свои дома.

В ходе этого общего обследования они обнаружили виноград, растущий в большом изобилии, и древесину превосходного качества, которая высоко ценилась в почти безлесном регионе, откуда она была привезена. Этими двумя товарами они нагрозили свой корабль и весной вернулись в Гренландию. Лейф дал стране, которую он таким образом открыл и исследовал, название, как он сказал, в честь ее "качеств", и назвал ее Вайнландией.

Следующее путешествие совершил Торвальд, брат Лейфа, вероятно, в 1002 году. Был нанят тот же корабль, и на нем находилось тридцать человек. Они сразу же отправились в шалаши или временные жилища, построенные Лейфом, где провели три зимы, питаясь главным образом рыбой, которую ловили в близлежащих водах. Летом они исследовали местность в различных направлениях на значительное расстояние. Они не обнаружили никаких признаков

человеческого обитания, за исключением острова, где они нашли сарай для кукурузы, построенный из дерева. На второй год они обнаружили множество местных жителей, вооруженных ракетами и имевших обширную флотилию лодок, сделанных из шкур животных. С этими туземцами они вступили во враждебный конфликт, в ходе которого Торвальд получил рану, от которой впоследствии скончался. Он был похоронен в выбранном им самом месте, и у его изголовья и у ног были установлены кресты. После еще одной зимы, нагрузив свой корабль виноградом, исследователи вернулись в Гренландию.

Смерть Торвальда стала источником глубокой скорби для его семьи, и его брат Торстейн решил посетить Вайнленд и привезти домой его тело. Соответственно, он сел на тот же корабль с двадцатью пятью избранными мужчинами и своей женой Гудрид. Путешествие оказалось неудачным. Проведя все лето в тщетных попытках найти Вайнланд, они вернулись в Гренландию, и зимой Торстейн умер, а на следующий год его вдова Гудрид вышла замуж за Торфинна Карлсефни, богатого исландского купца.

В 1007 году в Винланд отплыли три корабля, одним из которых командовал Торфинн Карлсефни, другим - Бьярни Гримольфсон, а третьим - Торвард, муж Фрейдис, сводной сестры Лейфа, сына Эрика. Всего на трех кораблях находилось сто шестьдесят человек и различный скот, взятый с собой, возможно, для пропитания, а возможно, и для того, чтобы пригодиться на случай, если они решат основать постоянное поселение. Однако они не предприняли ничего, кроме тщательного исследования страны, которую нашли красивой и плодородной, ее леса изобиловали дичью, реки изобиловали рыбой, а почва давала возможность спонтанно выращивать местные злаки. Они обменивались с туземцами по мелочи на их меха, но мало общались с ними. Туземцы были настолько чрезвычайно враждебны, что жизни исследователей находились в постоянной опасности, и, следовательно, после нескольких кровавых стычек они отказались от всякой надежды основать постоянное поселение. По прошествии трех лет Карлсефни и его путешественники вернулись в Гренландию.

В 1011 году Фрейдис, сводная сестра Лейфа, вдохновленная надеждой на выгодное путешествие, вступила в партнерство с двумя купцами и провела зиму в Вайнленде. Она была смелой, мужественной женщиной с беспринципным характером, лишенной всех женских качеств. Она разжигала раздор, организовала убийство своих товарищей по плаванию, а ранней весной следующего года, загрузив все корабли древесиной и другими товарами, вернулась с богатым и ценным грузом для гренландского рынка.

Такова история открытия Америки в последние годы десятого и первые годы одиннадцатого веков.

Эти четыре экспедиции, о которых я дал очень краткий обзор, опустив множество интересных, но несущественных деталей, составляют сколько-нибудь отчетливое и четко очерченное повествование. Другие рейсы могли быть совершены в тот же или более поздний период. Аллюзии встречаются в ранних скандинавских писаниях, которые могут подтверждать приведенные нами повествования, но не добавляют к ним ничего действительно существенного.

Естественный и уместный вопрос, который имеет право задать изучающий историю, заключается в следующем: на каких доказательствах основана эта история? Какие у нас есть основания полагать, что эти путешествия когда-либо совершались?

Я постараюсь ответить на эти вопросы как можно более ясно.

Существует два вида свидетельств, с помощью которых можно установить отдаленные исторические события, а именно: древние письма, на которые можно положиться как на содержащие правдивые утверждения о предполагаемых событиях, и, во-вторых, исторические памятники и останки, иллюстрирующие и подтверждающие письменные повествования. Такие события могут быть установлены только одним из этих классов доказательств или обоими по отдельности.

Наше внимание должно быть направлено в первую очередь на некоторые древние писания, в которых содержится история открытия Америки. Что это за древние писания? и в какой степени они бросают вызов нашей вере?

В то время, когда были совершены предполагаемые путешествия на этот континент в 1000 году и несколькими годами позже, древнедатский или исландский язык, на котором тогда говорили в Исландии и Гренландии, наречие исследователей, еще не было преобразовано в письменный язык, и, конечно, повествование об этих путешествиях в то время не могло быть записано. Но на этом языке существовала устная литература своеобразного и интересного характера. В ней была своя поэзия, свой роман, свои личные мемуары и своя история. Тем не менее, она была неписаной. Это хранилось в памяти и передавалось из поколения в поколение. В знатных и богатых семьях мужчин нанимали заучивать и репетировать на фестивалях и по другим знаменательным случаям, как часть развлечения, рассказы, которые были искусно составлены и отшлифованы для публичного изложения, касающиеся подвигов и достижений их предков. Эти повествования назывались сагами, а тех, кто запоминал и повторял их, называли сагаменами. Прошло сто пятьдесят лет после предполагаемого открытия этого континента, прежде чем началась практика написания исландских саг. Подходящий пергамент было трудно достать, а процесс был медленным и дорогостоящим, и поначалу лишь несколько документов любого рода были переведены в письменную форму. Но в тринадцатом веке письменных саг стало огромное количество. Они хранились в монастырях и в других безопасных местах. Между 1650 и 1715 годами эти старые исландские пергаменты были переданы в библиотеки Стокгольма и Копенгагена. Впоследствии они были внимательно прочитаны и классифицированы наиболее компетентными и эрудированными учеными. Среди них были найдены две саги, относящиеся к открытиям далеко к юго-западу от Гренландии, в общих чертах описанные мной на предыдущих страницах. Предполагается, что самая ранняя из этих двух саг была написана Хауком Эрлендссоном, который умер в 1334 году. Невозможно определить, скопировал ли он его с предыдущей рукописи или позаимствовал повествование из устной традиции. Другой был записан в его нынешнем виде где-то между 1387 и 1395 годами. Вероятно, она была скопирована с предыдущей саги, о существовании которой в настоящее время неизвестно, но которая, как предполагается, была первоначально написана в двенадцатом веке. Эти документы признаны учеными, имеющими право судить о характере древних писаний, подлинными, и авторы, несомненно, считали их изложением исторической правды.

Они с большой отчетливостью описывают очертания нашего восточного побережья, включая почву, продукты и климат, начиная с холодных, стерильных регионов севера и заканчивая теплыми и плодородными берегами юга. Следует отметить, что нет ничего невероятного в том, что эти предполагаемые путешествия должны были быть совершены. То, что судно, плывущее

из Исландии в Гренландию, сбилось с курса и его отнесло к берегам Новой Шотландии или Новой Англии, - событие, которого вполне можно было ожидать; и вера в то, что за таким случайным путешествием последуют другие путешествия с целью открытий, не требует особой доверчивости.

Саги, или повествования, в которых описываются предполагаемые путешествия, были написаны в том виде, в каком мы располагаем ими сегодня, более чем за сто лет до того, как были сделаны открытия Колумба в Вест-Индии, [4] или Джона Кэбота на наших северных берегах Атлантики. Авторы этих саг не располагали информацией, почерпнутой из других источников, на основе которой можно было бы выстроить ткань своего повествования. Поверить в то, что совпадение повествований в их общих чертах с известными нам фактами было случайным, простым делом случая, невозможно. Совпадений так много, а события так далеки от всего, что когда-либо видели сами авторы или о чем они имели какие-либо знания, что становится проще и разумнее принять повествования в их общих чертах, чем отрицать подлинность записей. Если мы отвергаем их, мы должны по тому же принципу отвергнуть раннюю историю всех цивилизованных народов земли, поскольку эта история во всех случаях была получена более или менее непосредственно из устной традиции.

Таким образом, повествование саг в их общем объеме было принято наиболее рассудительными и беспристрастными исследователями истории, которые тщательно и добросовестно изучали этот предмет.

Но когда мы переходим к второстепенным деталям, несущественным для общего направления и смысла повествований, нам становится трудно, нет, я бы сказал, невозможно, принять их полностью и с непоколебимой уверенностью. Повествования, дошедшие до нас в устной традиции, несомненно, были искажены по сравнению со своей первоначальной формой и значением. Сознательно или бессознательно они формируются и окрашиваются в большей или меньшей степени несколькими умами, через которые они прошли. Никто не может не быть свидетелем изменений, которые произошли в одной и той же истории, повторяемых одним и тем же человеком во множестве случаев в рамках его собственного наблюдения. Поэтому внимательный историк проявляет большую осторожность, принимая то, что доходит до него только из устной традиции. [5]

Мы не должны, однако, забывать, что сагамены, в одних воспоминаниях которых эти повествования сохранялись по меньшей мере сто пятьдесят лет, и не исключено, что более трехсот, были профессиональными рассказчиками событий. Их обязанностью было передавать другим то, что они получили сами. Их профессиональный характер был в некоторой степени гарантией сохранения истины. Но, тем не менее, из-за длинной серии устных рассказов было невозможно избежать появления ошибок; чтобы память о некоторых из них не подводила время от времени; а если и подводила, то не существовало авторитета или стандарта, с помощью которого их ошибки можно было бы исправить. Более того, вполне вероятно, что вариации были намеренно введены здесь и там, в соответствии с представлениями сагамена об улучшенном стиле и лучшем вкусе. Какие изменения произошли из-за провала памяти или тщеславия сагамена, немногие или многие, тривиальные или важные, никогда не могут быть определены. Следовательно, очевидно, что наша интерпретация второстепенных деталей в сагах не может быть критической, и любое точное значение, любая абсолютная уверенность не могут быть успешно поддержаны, поскольку неизбежное сомнение, которое никогда не будет устранено,

затмевает эти второстепенные детали. Таким образом, мы можем без колебаний заявить, что повествования саг следует принимать только в их общих чертах и выдающихся чертах. Пока что мы находим твердую почву под ногами. Если мы продвинемся дальше, то наступим на зыбучие пески и не будем уверены, что сможем закрепиться.

Здесь естественно возникает вопрос, а именно: если в незначительных деталях на саги нельзя полностью полагаться, то в какой степени мы можем идентифицировать открытые страны и места, посещенные норманнами?

Отвечая на этот весьма уместный вопрос, я замечу, что, согласно повествованию саг и интерпретации скандинавских ученых, первая страна, которую исследователи открыли после того, как покинули Гренландию, в общих чертах напоминает Ньюфаундленд с его стерильной почвой, каменистой поверхностью и горами на заднем плане. Второй соответствует Новой Шотландии с ее густыми лесами, низким, ровным побережьем и белоснежными песчаными утесами и пляжами. Третья соответствует Новой Англии по температуре, климату, составу почвы, плоской, волнистой поверхности страны и ее очевидному расстоянию от Гренландии, базы или отправной точки, из которой были совершены эти открытия.

Утверждения саг совпадают со столь многими общими чертами нашего атлантического побережья, что существует большая вероятность, не то чтобы доказательная, но настолько достоверная, насколько это свойственно чему-либо в период неписаной истории, что Виноградная страна северян находилась где-то на нашем американском атлантическом побережье. Здесь мало места для сомнений. Но когда мы выходим за рамки этого, то не видим абсолютно никакой уверенности. Все местные описания саг являются общими и неопределенными. Они ничего не идентифицируют. Когда они говорят об острове, мысе, реке или заливе, они не дают нам никакого намека на местность, где расположен упомянутый остров, или мыс, или река, или залив. Все побережье Новой Англии и английских провинций, расположенных дальше на восток, изрезано мысами, заливами и речными заливчиками, а также усеяно несколькими сотнями островов. Было бы чрезвычайно интересно, даже великим достижением, если бы мы могли четко зафиксировать или идентифицировать выход на сушу Лейфа, скандинавского исследователя, и указать точное место, где он возводил свои дома и проводил зиму.

Ключом к этой идентификации, если таковой существует, является описание места, данное в сагах. Если мы найдем в сагах описание высадки Лейфа, места, где высадились скандинавы, настолько полное, что его можно будет четко отличить от любого другого места на нашем побережье, то мы совершим это важное историческое достижение. Давайте рассмотрим это описание в том виде, в каком оно содержится в этих древних документах.

Покинув Маркленд, они, как говорится в саге, "провели в море два дня, прежде чем увидели землю, и поплыли туда и достигли острова, который лежал к востоку от этой земли". Здесь они приземлились и стали наблюдать за травой и сладостью росы. "После этого, - продолжает сага, - они сели на корабль и поплыли в пролив, который лежал между островом и нессом (мысом), который тянулся к востоку от суши; а затем направились на запад мимо несса. Во время отлива было очень мелко, и их корабль встал так, что с корабля было далеко видно воду.

Но они так сильно желали высадиться на берег, что не дали себе времени ждать, пока вода снова поднимется под их кораблем, а сразу побежали на берег, в то место, где река вытекает из

озера; но как только вода поднялась под кораблем, тогда взяли они лодки и поплыли к кораблю, и довели его до реки, а оттуда в озеро, и там бросили якорь, и сняли с корабля свои койки из шкур, и устроили там шалаши. После этого они собрали совет и приняли решение остаться там на зиму и построили там большие дома".

В этом кратком отрывке приведены все имеющиеся у нас данные, относящиеся к осыпанию суши Лейфом и к месту, где он построил свои дома, в которых жил он сам и другие исследователи в последующие годы.

Заметим, что в этом описании мы имеем *остров* в устье реки. Был ли остров большим или маленьким, был ли он круглым, квадратным, с клинописью, широким или узким, высоким или низким, нам не говорят. Это был просто остров, и о нем у нас нет никаких дальнейших описаний или каких-либо сведений.

Их корабль стоял на якоре в том месте, которое они называют *проливом*, между островом и мысом или полоской суши, уходящей на восток. Ширина или протяженность звука при высокой или низкой воде не указывается. Он мог быть широким, занимающим огромное пространство, или очень маленьким, заключенным в несколько квадратных стержней. Это был просто звук, неглубокий участок воды, где их корабль сел на мель во время отлива. О его характере мы больше ничего не знаем.

Тогда у нас есть *река*. Была ли это большая река или маленькая, длинная или короткая, широкая или узкая, глубокая или мелководная, пресноводный или приливный поток, нам не сообщается. Все, что мы знаем об этой реке, - это то, что их корабль мог плыть по течению, по крайней мере, во время прилива.

Река вытекала из *озера*. Дальнейшее описание озера не приводится. Возможно, это был большой водоем, а возможно, и очень маленький. Возможно, это было всего лишь расширение реки, или это мог быть залив, получающий свои воды из океана, поднимающийся и опускающийся вместе с приливами, а река - всего лишь русло для ее прибывающих и убывающих вод.

На границах этого озера, или залива, или расширения реки, в зависимости от обстоятельств, они построили свои *дома*; на правом или левом берегу, недалеко от устья или за много миль от него, мы не знаем.

Из этого расплывчатого описания саг легко понять, насколько трудно, насколько невозможно определить место высадки и временного пребывания северян на нашем побережье.

За почти девятьсот лет, прошедших с момента открытия этого континента этими северными исследователями, было бы неразумно не предположить, что в устьях рек и приливных заливах вдоль нашего атлантического побережья произошли очень большие изменения. Вероятно, на всей нашей восточной границе нет ни одного устья реки или приливного залива, которые не претерпели бы изменений во многих важных чертах за этот долгий промежуток времени. Образовывались острова, и острова прекращали свое существование. Дрейфовали пески, осыпались берега, образовывались новые бухты, а старые заделывались. Нет ничего более незыблемого и изменчивого, чем берега устьев рек и там, где они впадают в океан.

Но даже если предположить, что за этот долгий промежуток времени никаких изменений не произошло, несомненно, между проливом Лонг-Айленд и восточной границей Новой Шотландии протекает множество рек со всеми характеристиками, описанными в сагах. Точно такие же характеристики присущи Тонтонам, Чарльзам, Мерримакам, Пискатакуа, Кеннебекам, Пенобскотам, Сент-Круа и Сент-Джонам. В устье всех этих рек есть один или несколько островов, а поблизости множество мест, где судно может сесть на мель во время отлива, и в каждой из этих рек есть разливы или заливы, из которых они впадают в океан. [6] И на нашем побережье есть, вероятно, двадцать других менее важных рек, где аналогично могут быть обнаружены те же условия. Какой проницательный исследователь истории, какой опытный мореплаватель или какой образованный географ осмелится заявить, что он в состоянии сказать нам, возле какой из этих рек норманны построили свои жилища и устроили свое временное пристанище! Идентификация явно невозможна. Нет ничего более определенного, чем неопределенность, которая присутствует во всех местных описаниях, содержащихся в исландских сагах. В многочисленных исследованиях тех ранних мореплавателей не было ни одной бухты, мыса, выступа или реки, которые были бы так ясно описаны или так отчетливо очерчены, что их можно было бы отождествить с какой-либо бухтой, мысом, возвышенностью или рекой на нашем побережье. Вердикт истории по этому вопросу ясен и должен остаться в силе. У воображения и фантазии есть соответствующая сфера, но их область - вымысел, а не факты; романтика, а не история; и долг изучающего историю - держать их в пределах их надлежащей области.

Но есть еще один вопрос, который требует ответа. Оставили ли норманны на этом континенте какие-либо памятники или произведения, которые могли бы служить напоминанием об их пребывании здесь в начале одиннадцатого века?

Источники свидетельств по этому вопросу следует искать в сагах или в останках, по которым можно ясно проследить, что их несомненными авторами являются норманны.

В сагах мы вынуждены сказать, как бы сильно мы ни желали иного, что тщетно искали каких-либо подобных свидетельств. Они не содержат ни доказательств, ни намека на то, что норманны сооружали какие-либо каменные сооружения или даже клали один камень на другой с какой-либо целью. Их жилища, какими бы они ни были, были наспех сколочены, чтобы служить лишь для кратковременного проживания. Остальное время, согласно общему ходу повествования, было посвящено исключительно разведке, а также подготовке и погрузке груза для обратного рейса. Таким образом, этот возможный источник свидетельств не дает никаких свидетельств того, что скандинавы оставили какие-либо сооружения, сохранившиеся до настоящего времени, и поэтому могут рассматриваться как памятники их пребывания в этой стране.

Но, если в сагах нет свидетельств по этому поводу, можно ли найти сегодня в какой-либо части нашего атлантического побережья останки, которые можно явно отнести к работе северян?

Мы с сожалением вынуждены констатировать, что после тщательного изучения этого вопроса наиболее компетентные, осторожные и образованные антиквары были вынуждены ответить отрицательно. Легковерие ухватило за несколько сравнительно старинных произведений, происхождение которых полвека назад не было ясно понято, и слепо приписало их норманнам. Главными среди них были, во-первых, каменное сооружение арочной кладки в Ньюпорте, Род-Айленд; во-вторых, знаменитая скала с надписями, лежащая в приливной воде недалеко от

города Дайтон в Массачусетсе; и, в-третьих, "скелет в доспехах", найденный в Фолл-Ривер, в том же штате. Никаких других доказательств, которые могли бы вызвать критическое рассмотрение, выдвинуто не было.

Старая мельница в Ньюпорте, расположенная на ферме Бенедикта Арнольда, бывшего губернатора Род-Айленда, была названа в его завещании "моей каменной ветряной мельницей", и если бы в его сознании была какая-то тайна относительно ее происхождения, он вряд ли смог бы не указать ее как часть своего описания. Роджер Уильямс, первый поселенец Род-Айленда, получивший образование в Кембриджском университете, Англия, объемистый писатель, сам был антикваром и глубоко интересовался всем, что относилось к истории наших аборигенов. Если бы в то время, когда он впервые поселился на Род-Айленде, и до того, как там появились какие-либо английские поселения, существовало какое-нибудь каменное арочное здание с некоторыми претензиями на архитектуру, он не мог бы не упомянуть об этом: столь необычное, неожиданное и таинственное явление, должно быть, привлекло его внимание. Его молчание по этому поводу делает его морально уверенным в том, что в то время никакой такой структуры там быть не могло. [7]

Надписи на скале Дайтон представляют собой грубые вырезки вперемежку с контурными фигурами людей и животных. Все они целиком или какая-либо их часть ставит в тупик и не поддается никакой интерпретации. Разные ученые полагали, что они различили в бесформенных узорах никийские, древнееврейские, скифские и рунические символы или буквы. Несомненно, здесь и там можно увидеть некоторое сходство с ними. Вероятно, это случайное сходство. Но никакого рационального толкования никогда не давалось, и, кажется, теперь те, кто лучше других способен судить, в целом признают, что это работа наших коренных индейцев, имеющая очень тривиальное значение, если, конечно, они имели вообще какой-либо смысл.

"Скелет в доспехах", найденный в Фолл-Ривер, не больше остальных претендует на скандинавское происхождение. То, что казалось человеческими костями, было найдено на песчаной отмели, заключенными в металлические полосы из меди. Его происхождение совершенно неизвестно. Возможно, это были останки какого-нибудь раннего мореплавателя, выброшенные на наш берег, который был либо убит туземцами, либо умер естественной смертью и был похоронен в доспехах, в которые он был облачен. Или, что гораздо более вероятно, это могли быть останки одного из наших древних индейцев, покрытые даже в его могиле, согласно их обычаю, медными украшениями, которые он отлил собственными руками при жизни. [8]

Если бы завеса была приподнята, некоторые подобные истории, несомненно, возникли бы из безжизненных костей. Но забвение на протяжении многих поколений витало над этими безмолвными останками. Их история принадлежит области фантазии. Поэзия превратила ее в чарующую балладу. Ее ритм и отточенные номера всегда могут порадовать слух и удовлетворить вкус. Но мы можем быть уверены, что история, суровый и бескомпромиссный арбитр событий прошлого, никогда не признает творения поэта или мечты энтузиаста своими законными отпрысками.

Прошло уже полвека с тех пор, как саги стали доступны английскому читателю на его родном языке. Самые осторожные, кропотливые и добросовестные историки не пожалели труда на поиски останков, которые можно с полным основанием идентифицировать как работу северян.

Ни одно из них не было найдено, и мы можем с уверенностью предсказать, что не будет обнаружено ничего такого, что могло бы выдержать лучший тест на их подлинность, чем те, на которые мы только что ссылались. [9]

В обязанности историка входит отыскивать факты, отличать истинное от ложного, отделять зерна от плевел, сохранять одно и предавать забвению другое, которому оно принадлежит.

Проверенные канонами, которые самые рассудительные ученые приняли при изучении всей ранней истории, мы не можем сомневаться в том, что норманны совершили четыре или пять плаваний к побережью Америки в последней половине десятого и первой половине одиннадцатого веков; что они вернулись в Гренландию с грузами винограда и древесины, которая была очень ценным товаром на рынках как Гренландии, так и Исландии; что их пребывание на наших берегах было временным; что они были в основном заняты исследованиями и не готовились к созданию какой-либо постоянной колонии; кроме своих временных жилищ, они не возвели никаких сооружений ни из дерева, ни из камня. У нас есть намеки на то, что на этот континент были совершены и другие путешествия, но до настоящего времени не сохранилось подробного отчета о них.

Эти несколько фактов составляют суть того, что мы знаем об этих скандинавских открытиях. О деталях мы знаем мало: они полны неопределенности и сомнений. Место их первой высадки, расположение их жилищ, части страны, которые они исследовали, описаны так бесконечно, что их совершенно невозможно идентифицировать.

Но я был бы несправедлив к теме, на которую я осмелился привлечь ваше внимание, если бы не добавил, что не хватает писателей, которые утверждают, что знают гораздо больше деталей, чем я могу себе представить. Они принадлежат к тому избранному классу историков, которые отличаются буйным воображением и чрезмерной верой. Для них очень легко указать место высадки Лейфа, реку, в которую он вошел, остров в ее устье, бухту, где они бросили якорь, берег, где они построили свои временные дома, место, где был похоронен Торвальд, и где они установили кресты у его головы и у его ног. Они рассказывают нам, какие мысы были исследованы на побережье Массачусетса и Род-Айленда, и в какие заливы были проникнуты вдоль берегов штата Мэн. Повествования, которые они плетут благодаря плодовитому уму, изобретательны и занимательны: они придают сагам больше свежести и большей индивидуальности, но когда мы ищем факты, на которых основаны их утверждения, все, что можно назвать доказательствами, мы находим лишь порождения недисциплинированного воображения и подвижной фантазии.

Действительно, было бы в высшей степени приятно верить, что норманны основали более постоянные поселения на наших берегах, что они воздвигли просторные здания и мощные крепости каменной и каменотесной работы, что они собрали вокруг себя больше атрибутов национального или даже колониального существования; но история не предлагает нам никакого выбора: мы должны брать то, что она нам дает, и с теми ограничениями, которые она налагает. Истина, ничем не приукрашенная и без преувеличений, обладает собственной красотой и благородством. Она не нуждается в дополнениях, чтобы понравиться изучающему историю. Если он настоящий и добросовестный исследователь, он примет это таким, каким найдет: он ничего к этому не добавит, он ничего от этого не отнимет.

СНОСКИ:

[1] Если признать, как это почти повсеместно принято, что скандинавы пришли на этот континент в последней половине десятого или начале одиннадцатого века, то в высшей степени уместно, чтобы соответствующий памятник отмечал и подчеркивал это событие. И кажется столь же уместным разместить его в Бостоне, столице Новой Англии, поскольку он просто отмечает событие их прибытия, но не предназначен для обозначения их высадки на сушу или места их временного пребывания.

[2] Компас моряка был обнаружен только в двенадцатом или тринадцатом веке.

[3] Это утверждение основано на интерпретации профессора Финна Магнусена, о которой см. "Путешествия норманнов в Америку", изд-во принца Сосели, стр. 34, 126. Бостон, 1877. Общее описание климата и продуктов, производимых почвой, согласуется с этой интерпретацией, но, тем не менее, она была подвергнута сомнению. Другие исландские авторы расходятся с ним и указывают широту высадки Лейфа на 49° 55', вместо 41 ° 43' 10", как рассчитал Магнусен.

Эта более поздняя интерпретация принадлежит профессору Густаву Шторму. Смотрите "*В поисках Вайнленда Доброго*", Артур Миддлтон Ривз, стр. 181-185. Лондон, 1890. Эти интерпретации сильно различаются. Оба автора представлены как способные и основательные ученые. Когда врачи расходятся во мнениях, кто должен решать? Ученые, несомненно, встанут по разные стороны баррикад и будут сражаться до победного конца.

Правда в том, что хронология того периода в ее основных и второстепенных приложениях была чрезвычайно неопределенной. Год, когда произошли события, установлен, если установлен вообще, с большим трудом; и ясно, что деление дня было расплывчатым и неопределенным. По крайней мере, их можно было определить лишь приблизительно. В отсутствие часов и хронометров не могло быть ничего похожего на научную точность, а попытка применить научные принципы к скандинавской хронологии только вносит еще большую путаницу. Все термины, которые они использовали для обозначения деления дня, были неопределенными. Одним из них, например, *былхирдис рисмал*, что означает время, когда пастухи завтракали. Это было достаточно определено для практических целей простого, первобытного народа; но поскольку время завтрака у людей всегда более или менее различно, *hirdis rismál*, вероятно, охватывал период от одного до трех часов и, следовательно, не давал надлежащих данных для расчета широты. Следовательно, любое значение, данное переводчиками в отношении точных часов дня, должно быть воспринято *cum grano salis* или только так, как оно того стоит.

[4] Некоторые авторы высказывали предположение, что Колумб во время визита в Исландию узнал кое-что о путешествиях северян в Америку, и эти знания помогли ему в его последующих открытиях. Нет никаких доказательств того, что так оно и было. При написании мемуаров о своем отце Фердинандо Колумб нашел среди его бумаг меморандум, в котором Колумб утверждает, что в феврале 1477 года он отплыл на сотню лиг за Тилль, что этот остров был размером с Англию, что англичане из Бристоля вели там торговлю, что море, когда он был там, не замерзло; и он также говорит о высоких приливах. В том же параграфе нам сообщается, что южная граница этого острова находится на 63° от экватора, что отождествляет его с Исландией. Помимо этих фактов, меморандум не содержит никакой информации. Нет никаких свидетельств того, что Колумб когда-либо общался с туземцами Исландии по какому бы то ни было вопросу.

Нет никакой вероятности, что он искал или получил какую-либо информацию о путешествиях северян на этот континент. "Жизнь своего отца" Фердинандо Колумба на испанском языке можно найти в "Исторических собраниях Барсии", том I. Мадрид, 1749. Это перевод с итальянского, напечатанный в Венеции в 1571 году. Английский перевод появляется в Сборниках Черчилля, Керра и Пинкертон, но его неправильный перевод и ошибки делают его совершенно ненадежным.

[5] Несколько примечательно, что большинство авторов, пытавшихся оценить ценность саг как исторических свидетельств, игнорировали тот факт, что от ста пятидесяти до трехсот лет они существовали только в устной традиции, передаваемой из поколения в поколение, с учетом изменений, которые неизбежны в устных заявлениях. Эти критики относятся к ним так, как они относились бы к научным документам, береговой или геодезической съемке, или к отчету адмиралтейства, в котором линии и расстояния определяются с помощью наиболее точных приборов, а измерения и записи производятся одновременно. Очевидно, что их предпосылки должны быть ошибочными, и, следовательно, их выводы наверняка будут ошибочными.

[6] Если читатель изучит наши карты береговой съемки, он легко убедится в этом утверждении.

[7] Хотя большинство антикваров и изучающих историю отказались от всякой веры в скандинавское происхождение этого сооружения, все же в мартовском номере журнала Scribner's Magazine за 1879 год можно найти статью в защиту теории о том, что оно было возведено в одиннадцатом веке норманнами. Аргумент основан на его архитектурной конструкции, но он четко опровергнут мистером Джорджем К. Мейсоном-младшим в "Журнале американской истории", т. III, стр. 541.

[8] В отчете профессора Патнэма, куратора Музея американской археологии и этнологии Пибоди в 1887 году, можно найти следующий интересный отчет о "Скелете в доспехах":

Я должен, однако, упомянуть как представляющий особый интерес в связи с ранним периодом контактов между индейцами и европейцами на этом континенте рассказ доктора Сэмюэля Коленанда о двух латунных трубках, найденных вместе со скелетом индейца близ Фолл-Ривер, о которых так много написано, включая хорошо известные стихи Лонгфелло, озаглавленные "Скелет в доспехах". То, что два "звена доспехов" должны найти свое последнее пристанище в этом музее, интересно само по себе и вызывает в воображении историю кусочков металла, из которых они сделаны. Вероятно, какой-нибудь ранний эмигрант привез из Европы медный чайник, который по обмену или благодаря превратностям тех далеких дней попал во владение индейца одного из племен Новой Англии и был им разделан на украшения, наконечники для стрел и ножи. Один из видов украшения он изготовил, скатав маленькие латунные полоски в форму длинных, тонких цилиндров, в подражание тем, которые он, вероятно, раньше делал из меди. Они были прикреплены друг к другу так, что образовали декоративный пояс, в котором он был похоронен. Много лет спустя был обнаружен его скелет, и медные бусины были приняты за части доспехов скандинава. Их отправили вместе с другими найденными при них вещами в Копенгаген, и ученые люди старого и нового света сочинили и спели их предполагаемую историю. Химики провели анализы, и выяснилась правда: это была латунь, а не бронза или железо. По прошествии почти полувека эти две маленькие трубочки были отделены от своих собратьев и снова пересекли Атлантику, чтобы отдохнуть рядом с такими же трубочками из

латуни и медяшек, которые были найдены у других индейских воинов; и их история показывает, как много можно извлечь из маленькой вещи, когда фантазия дает полную волю, а воображение не контролируется научными рассуждениями, и выводы делаются без сравнительного изучения". Смотрите *Двадцатый ежегодный отчет Музея Пибоди*, том. III, стр. 543.

В статье "Сельскохозяйственные орудия индейцев Новой Англии" профессор Генри У. Хейнс из Бостона показывает, что голландцам не разрешалось торговать с пекотами, потому что они продавали им "чайники" и тому подобное, из которых они делали наконечники для стрел. Смотрите *Труды Бостонского общества естественной истории*, том. XXII, стр. 439. В более поздние времена медь была в частом, если не сказать обычном, употреблении среди индейцев.

[9] Во многих частях Новой Англии есть старые стены и подобные сооружения, которые, по-видимому, не имели большого значения, когда они были первоначально построены, никогда не становились предметом записей, не использовались в течение многих поколений, и, следовательно, их происхождение и назначение полностью стерлись из памяти человека. Такие останки не редкость: их можно найти по всему нашему побережью. Но мало найдется авторов, достаточно смелых, чтобы утверждать, что они являются работой норманнов просто потому, что их история неизвестна, и особенно потому, что совершенно ясно, что норманны вообще не возводили никаких каменных сооружений. Те, кто принимает столь очевидную нелепость, несомненно, легко поверили бы, что "Тентерденская колокольня была причиной возникновения песков Гудвина".

Примечания переписчика:

Несоответствия в написании и расстановке переносов сохранены по сравнению с оригиналом.

Пунктуация исправлена без замечаний.